

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und 70 pf. (4 fr.)
sonstigen Ländern.

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 2 (358)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 (Chèques Postaux Le Courrier Socialiste — 359.84 Paris) Прием по делам редакции ежедн. кроме суб. и воскр., от 11 ч.

25 Января 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: “Bâtiment 11”

СОДЕРЖАНИЕ

К Итало-абиссинской войне. (Резолюция РСИ и МФПС).
И. Греков. Пропавшая демократизация.
А. Югов. Стахановщина.
Р. Абрамович. Ева Львовна Бройдо.
П. Гарви. Амнистия... в странах фашизма и реакц.
Литература и жизнь: В. Александрова. «Геростраты революции».
Ф. Дан. Война и «межклассовый мир».

В Рабочем Социалистическом Интернационале: Заседание Бюро РСИ. — Совместное заседание Бюро РСИ и Совета МФПС.

Заграницей: Программа «Народного Фронта» во Франции. — Стахановское движение и западно-европейские рабочие.

Из партии: П. Гарви. Письмо в редакцию.

От редакции. — Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

К ИТАЛО-АБИССИНСКОЙ ВОЙНЕ

В совместном заседании бюро Рабочего Социалистического Интернационала и Международной Федерации Профессиональных Союзов, состоявшемся в Париже 16 января, была принята единогласно следующая резолюция:

Бюро РСИ и МФПС, собравшись на совместное заседание в Париже 16 января 1936 г., заслушав доклады о борьбе рабочего класса за мир, представленные партиями и профессиональными организациями различных стран, и обсудив общее международное положение,

констатируют с удовлетворением, что мировое общественное мнение с возрастающей силою и успехом требует применения санкций и прочной организации коллективной безопасности. Особенно подчеркивают они успехи, достигнутые общественным мнением в двух крупных странах, от которых больше всего зависит приостановка агрессии итальянского фашизма. Внутренняя манифестация британского общественного мнения привела к крушению заговора Лавалья-Хора. Многообещающими представляются и те мужественные усилия в этом же направлении, которые с возрастающим успехом делаются во Франции. Оба Интернационала призывают все свои секции удвоить свою настойчивость, поскольку бдительность и решимость народных масс являются более, чем когда-либо, необходимыми, чтобы восстановить и укрепить мир вопреки всем недостойным и подозрительным маневрам, предпринимаемым с различных сторон.

Они шлют выражение своей братской солидарности итальянской молодежи, которую гонят на поля сражений, и всем жертвам развязанной фашизмом зверской бойни, без различия цвета и лагеря.

Они с негодованием клеймят бесчеловечные приемы фашистского варварства, умышленно предпринимающего смертоносные нападения на госпитали, на больных и раненых.

Они настаивают, чтобы Лига Наций применила наконец к преступлению, совершаемому итальянским фашизмом против международного права и элементарных правил гуманности, всю полноту санкций, предусмотренных пактом Лиги Наций. Они заклинают государства, от которых наиболее непосредственно зависит применение санкций, не откладывать больше необходимых для того мер. Особенно настаивают они на немедленном наложении эмбарго на нефть, уголь, железо и сталь.

Они обращают внимание на то, что система санкций, предусмотренная статьей 16, возлагает на всех членов Лиги Наций вполне определенные обязательства и, в частности, обязательство прийти на помощь государству, которое подверглось бы нападению за выполнение своего долга члену Л. Н. Успех коллективных действий в итало-абиссинском конфликте был бы непоправимо сорван, если бы державы, и особенно средиземно-морские державы, не были проникнуты твердою решимостью дать совместный отпор внезапному нападению, жертвой которого могла бы стать одна из них, и если

бы этот коллективный отпор не был заранее надлежащим образом подготовлен.

Они самым энергичным образом протестуют против злоупотребления важною и сложною проблемою необходимого распределения мирового сырья с целью продлить войну против Абиссинии и дать, под другим видом, премию нападающему, между тем как проблема эта может быть разрешена лишь в атмосфере мира.

Они напоминают еще раз, что не компромиссы с насильниками, а лишь применение к ним всей полно-

ты международного права и энергичное осуждение их могут остановить всех возможных будущих агрессоров. Если агрессия Муссолини останется без возмездия, то будет весьма мало шансов избежать в близком будущем агрессии гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Положить возможно скорее конец войне в Африке, не делая уступок фашистскому агрессору, — таковым остается самое настоятельное требование рабочего класса в его борьбе против фашизма за мир.

Пропавшая демократизация

6 февраля прошлого года Всесоюзный Съезд Советов, по конституции — высший орган советского государства, единогласно одобрил, по докладу Молотова, резолюцию о демократизации советской системы. Первым шагом к этой демократизации было объявлено введение прямого, равного и тайного голосования для выборов всех органов советской власти «от городских и сельских советов до ЦИК СССР включительно» (Молотов). Но доклад Молотова определенно говорил, что на этом первом шаге демократизация не застрянет; что речь идет об «осуществлении всестороннего демократизма», о введении в советский обиход «всего лучшего в развитии современных государств», о создании подлинного «советского парламентаризма», способного не только обеспечить сочувствие «трудящихся нашей страны и далеко за границами Советского Союза», но и завоевать «симпатии всех мыслящих и передовых людей земного шара».

Как видим, Молотов, а вместе с ним и единогласно одобрявший его съезд поистине «далеко метнули!» В некотором противоречии с гигантским размахом обещанной реформы стояла, правда, с самого начала крайняя скудость и бледность комментариев, посвященных ей в партийной и советской печати. А вскоре всякие комментарии и совершенно замолкли. После нескольких пламенных дифирамбов замолкла окончательно и заграничная коммунистическая печать. И лишь 5 месяцев спустя советская пресса осведомила мир, что 7 июля состоялось первое заседание пленума комиссии по конституционной реформе, избранной 6 февраля съездом и возглавленной самим Сталиным. Заседание носило, впрочем, чисто организационный характер: комиссия избрала 12 подкомиссий и назначила им соответствующих председателей. На сей раз знаменательному событию была посвящена, сколько нам известно, всего на всего одна статья (Ралека в «Известиях») официально-осведомительного характера, после чего вся партийная и советская печать как воды в рот набрала. На 7 конгрессе Коминтерна много лестного говорилось о политической демократии «за границами Советского Союза». Но как раз о той демократии внутри его границ, которая, по уверению Молотова и Советского Съезда, должна была не только догнать, но далеко перегнать «все лучшее», что имеется по части демократической продукции «в развитии современных государств», никто не проронил ни слова. Можно было думать что «в утре пасмурных дней» Сталинского единодержавия советская демократизация отцветала, не расцветши...

Это впечатление как будто подтверждается ныне заседающей сессией ЦИК СССР. Сессия собралась через 11 месяцев после провозглашения «великой реформы», через полгода после конституирования конституционной комиссии. Но тщетно было бы искать в ее порядке дня доклада о ходе работ по демократизации советской системы. Молотов, возвестивший реформу 11 месяцев тому назад, на этот раз обошел ее «категорическим молчанием». И лишь в докладе Межлаука о «плане

четвертого года второй пятилетки» мы находим мимоходом брошенный намек на то, в чем, собственно, будет состоять «дальнейшее расширение советской демократии». По его словам, дело сводится к

привлечению к участию в государственных делах всех кадров партийных и непартийных большевиков, активных сознательных строителей социализма, которые растут по мере укрепления и развития социализма, ... и именно в эту сторону направлены такие решения партии и советской власти, как изменение Конституции СССР...

Задача привлечения к участию в государственных делах «партийных и непартийных большевиков», конечно, очень почетная задача. Но, если в эту сторону направлено «изменение Конституции», то надо все-таки сказать, что изменение это имеет очень мало общего с тем, что было обещано 11 месяцев тому назад и первым шагом к чему должна была быть не новая льгота большевикам, партийным или «непартийным», а, наоборот, как определенно пояснял Ралека в указанной выше статье, «отмена ограничений» избирательного права бывших-де в свое время необходимой «временной мерой предосторожности», но ныне ставших излишним поелику «расширением советской демократии уже не может воспользоваться буржуазия». Между введением «прямого, равного, тайного» избирательного права, почти полная всеобщность которого гарантирована социальным составом советского населения, и привлечением к участию в государственных делах «лучших людей», — этой формулой, прямо выхваченной из допотопных царских манифестов, — поистине дистанция огромного размера!

Но, может быть, то лишь случайная обмолвка Межлаука? Увы, трудно думать это, принимая во внимание продолжающееся упорное молчание партийной и советской прессы по вопросу об избирательной реформе. И еще труднее, когда читаешь тоже мимоходом высканзанные, но тоже явно не случайные размышления на эту тему Бухарина в его новогодней статье («Изв.» посвященной «опрокинутым» стахановцами нормам). Статья, как и полагается по новогоднему делу редактору, за которым числится в прошлом немало блох, имеет своей основной задачей подчеркнуть «факт, который следует зарубить себе на носу всем врагам», который заключается-де в «огромном сплочении народных сил вокруг партии и вокруг Сталина». Но, восторженно напоминая вереницу собираемых Сталиным «стахановских» совещаний, Бухарин восклицает:

Это — тоже новое, новое по методу выборов... «Выборы на эти съезды — совсем особые, необычные: это самоочевидность факта исключительной работы. «Выбирают» свое «депутата» тонны, метры, штуки выработанной продукции! Тем самым трудящиеся массы отбирают своих передовиков, свои таланты своих лучших людей... Разве это гасящее разгерметизацию великой демократии?...

Опять-таки, выборы, производимые «тоннами, метрами и штуками», вещь, очень интересная и замечательная. Но эти «выборы», которые даже восторженный Бухарин вынужден поставить в кавычки, вряд-ли им

от что-либо общее с тем прямым, равным и тайным избирательным правом и с той отменой «мер предосторожности», которые были торжественно возведены 11 месяцев тому назад, когда никому еще и в голову не приходила блестящая идея, что «трудящиеся массы» будут осуществлять свое право выбора «тем самым», то за них будут выбирать «метры и штуки», т. е., говоря менее поэтическим стилем, то начальство, которое будет эти «метры и штуки» отмечать и награждать.

Во всяком случае «обмолвки» Межлаука и Бухарина, как и молчание печати, достаточно знаменательны, чтобы поставить перед собою вопрос: да не пропала-ли уж так торжественно возведенная с год тому назад демократизация? Не разрешается-ли тот вопрос, который был поставлен нашим органом при самом конституировании конституционной комиссии («С. В.», № 14/15 от 35 г.): кто кого — диктаторское единодержавие или демократизацию советской системы или демократизацию единодержавие? — в пользу единодержавия и против демократизации, оказавшейся слишком опасной для сталинского самовластья при первой же попытке перевести ее из области декламации в область реального осуществления? И «новые методы выборов», это что? Хлесткая фраза газетчика или отражение мыслей, которые «всерьез» бродят в «правящих сферах»?

Политический смысл тех «стахановских» с'ездов, на которых всемогущий диктатор «братается» с народом, во всяком случае не вызывает сомнений, особенно если эти с'езды сопоставить и привести в связь с той новой волной террора, которая обрушивается (после признания «мер предосторожности» излишними ввиду «огромного сплочения сил вокруг Сталина») на все социалистические и оппозиционно-коммунистические элементы и, в особенности, с систематическим отрыванием от всех руководящих постов и преследованиями старой большевистской гвардии. Политический смысл этот явно заключается в стремлении создать новый, из народных низов и по-революционному поколение вышедший, если не «правящий слой» — «править» диктатура хочет попрежнему и в возрастающей степени единолично! — то послушный инструмент, аппарат в руках диктатора для управления народными массами. Столбовой» большевизм отнесается на задворки диктатуры, уходит в отставку, в ссылку, в тюрьму. Его место занимает большевизм «служилый», от которого требуется даже, чтобы он был партийным: и «беспартийный» хорош! Демократизацию диктатуры, которую провозгласили было сторяча, когда гроз-

ное международное и пошатнувшееся внутреннее положение заставило подумать об ее укреплении путем «расширения ее базиса», собираются как будто заметить, в лучшем случае, ее «плебейзацией».

Нам приходилось уже указывать и на те положительные стороны, которые присущи процессу восхождения к «государственным делам» революционной страны молодого, энергичного, жизнерадостного, вперед, а не назад смотрящего, окультуренного революцией поколения вышедшей из рабочей и крестьянской среды. Но нам приходилось при этом всегда отмечать, что развернуться эти положительные стороны могут лишь при том условии, что эти выходы социально-политически не оторвутся от породившей их среды, а, наоборот, будут ее знаменосцами; что не «тонны и метры», а сами трудящиеся своим свободным выбором будут выдвигать их на руководящие посты; что вниз, к народным массам, а не вверх, к диктаторствующему подателю благ, будут «повернуты лицом» новые «знатные люди» революции. И мы убеждены, что в этом подымающемся из недр революционного слоя найдется немало людей, которые захотят и будут служить делу выдвинувших их классов.

Но, когда видишь, как коленопреклонение перед Сталиным делается обязательным заключительным аккордом каждой речи каждого оратора «стахановских» с'ездов; когда смотришь на тот рог изобилия, который держит в своих руках диктатор (его личная роль при этом случае обязательно подчеркивается!) и из которого сыпятся ордена, патефоны, часы, автомобили и червонцы, то нельзя не понимать, что диктатура делает все, что в ее власти, чтобы коррумпировать этот слой новых «знатных людей» на самом пороге его социального рождения, чтобы оторвать его от породивших его трудящихся классов и противопоставить его им, как свое собственное «служилое» сословие.

Здесь — величайшая политическая опасность для всех дальнейших судеб революции. И здесь-же — весьма важное звено в цепи тех мероприятий, которыми сталинское единодержавие борется за свое самосохранение и даже усиление и которые заставляют опасаться, что обещанная демократизация и впрямь окажется пропавшей «всерьез и надолго». Разыскать эту пропавшую демократизацию и снова властно поставить ее в порядок советского дня может лишь активность и самостоятельность самих трудящихся классов.

И. Греков.

СТАХАНОВЩИНА

На недавно закончившемся пленуме ЦК ВКП было принято всего два решения и главное из них о содействии «стахановщине». Уже одно это обстоятельство показывает, какое важное значение придает советская власть этому новому фактору советской жизни. Речи, произнесенные в день Нового года влиятельнейшими руководителями советского хозяйства, и первые статьи газет свидетельствуют о том, что предстоящий год будет проведен под знаком стахановщины.

В том, что условно в СССР называется «стахановским движением» переплетаются много противоположных тенденций: положительных и отрицательных. И для того, чтобы определить свое отношение к этому явлению и не увлечься, с одной стороны, большевистскими исторгами и не вложиться, с другой стороны, в очевидную антисоветскую кампанию, надо тщательно отделить доброе зерно от дурных плевел.

Если отвлечься от шумихи слов и показных действий, то стахановщина охватывает собой все явления, связанные с повышением производительности, рационализацией производства и интенсификацией труда.

Следует вспомнить, что производительность труда в России и до революции стояла на относительно низком уровне. Нормы выработки русских предприятий и качество их изделий были на много ниже европейских и американских. За период войны и хозяйственной разрухи эти моменты еще более усилились. К низкой квалификации рабочих прибавилось: общая дезорганизация хозяйства, неумелое руководство, постоянные «прорывы» с топливом, сырьем и металлом, низкое качество сырья и полуфабрикатов, плохой инструмент и устарелое техническое оборудование.

Но и после осуществления плана первой пятилетки, после проведения технической реконструкции, после того как большинство предприятий оказались в техни-

ческом отношении на самом передовом уровне, советская индустрия продолжала работать далеко не удовлетворительно. Ни высшее техническое руководство, ни основные кадры рабочих не оказались способными управлять и работать на современных предприятиях, оборудованных сложными и тонкими машинами и аппаратами. Узкий слой квалифицированных рабочих, еще более поредевший за время революции, оказался затоплен миллионами рабочих, пришедших на заводы из деревень и впервые работающих вообще на промышленном предприятии. Но наиболее существенно то обстоятельство, что весь строй работы на большинстве новых громадных предприятий до сих пор еще не налажен, что прорывы, неполадки, диспропорции являются непрестанным бытовым явлением. На некоторых вновь выстроенных технически-совершенных предприятиях создавалось совершенно нестерпимое положение, когда себестоимость изделий оказывалась выше, чем на предприятиях старого кустарного типа.

Необходимость рационализации работы предприятий — проблема невыдуманная, не раздутая, а самая насущная.

Перед советским хозяйством встала основная и труднейшая задача: освоения новых предприятий. Новую промышленность мало было технически построить, нужно было сделать работу предприятия целесообразной, нужно было хозяйственно оправдать и многомиллиардные финансовые вложения, и мучительнейшие жертвы, принесенные населением во имя индустриализации.

Не будет парадоксом утверждение, что стахановщина лишь неизбежное порождение, лишь тяжелое последствие тех непосильных темпов, которые были взяты в период первой пятилетки. За прыжок в царство индустриализации сейчас приходится платить необходимостью чрезвычайных мер для освоения вновь выстроенных гигантов. После формального окончания первой пятилетки уже три года подряд каждый наступающий год объявляется «годом освоения» и, однако, до сих пор советским хозяйственникам не удалось в полной мере овладеть вновь выстроенными промышленными гигантами. Они, конечно, работают, они дают в громадном количестве продукцию, но она и по количеству и особенно по качеству и по себестоимости далека от плановых предположений.

Между тем долго подавляемые потребности населения в необходимейших промышленных изделиях остаются неудовлетворенными. В своей речи, произнесенной недавно на приеме стахановцев, Сталин указал, что расширение размеров производства отраслей, работающих на удовлетворение нужд населения встречает препятствие в «проблеме кадров». В период первой пятилетки и примерно до 1935 года расширение размеров продукции шло, так сказать, экстенсивным путем, за счет введения в строй новых заводов и новых машин и быстрого увеличения армии пролетариата. Но этот метод, — всегда нерасчетливый с точки зрения народного хозяйства, но в прошлые годы все же возможный, — сейчас в СССР уперся в барьер: недостаток квалифицированной рабочей силы. О проблеме кадров советская власть бьет тревогу уже несколько лет. Но несмотря на разнообразные «чрезвычайные» мероприятия, она до сих пор не смогла ее разрешить целесообразно. Да эта задача и не может быть разрешена в короткий срок. Поэтому то, руководители советского хозяйства решились применить метод, испытанный в капиталистическом послевоенном хозяйстве, придав ему своеобразные советские содержание и форму: дана директива рационализации производства и интенсификации труда,

т. е. увеличения продукции путем поднятия выработки на одного рабочего, на одну машину, на один рабочий день.

Один из самых острых вопросов советской действительности — вопрос о взаимоотношениях с деревней, также в полной мере упирается в эту же задачу преодоления товарного голода и снижения себестоимости. Деревня в свое время вынуждена была отдать на цели индустриализации свыше половины своих доходов, годами крестьянство ожидало, когда получит наконец готовые продукты от вновь создаваемой индустрии. Деревня была доведена в период индустриализации в индивидуальном секторе — до вымирания и обнищания, в колхозном секторе — до невозможности осуществлять необходимейшее обновление инвентаря, построек, рабочего скота и пр.

За последние годы, в силу ряда экономических и политических причин, советской власти пришлось идти на замирение с колхозной деревней, которой было предоставлено частичное право на продажу своей продукции и возможность ведения своего индивидуального усадебного хозяйства. Но все эти льготы не давали полного эффекта из-за невозможности приобретать взамен с.-х. продукции нужнейшие промышленные изделия. Вопрос о взаимоотношениях с деревней тысячами речей связан с необходимостью улучшения качества, увеличения количества и удешевления стоимости промышленной продукции. В современной СССР проблема рационализации, проблема освоения индустрии — это не только важнейшая экономическая задача, но и первоочередная задача социально-политическая.

То обстоятельство, что и европейские и русские коммунисты выдвигают сейчас эту проблему на первый план — вполне естественно, ибо они понимают, что вопрос о жизнеспособности советской системы решится в конечном счете сравнительной производительностью хозяйства. «Кто кого» определит в конечном счете экономическая прогрессивность новой хозяйственной системы, т. е. в значительной степени ее производственная эффективность. Но и для нас, русских социалистов, находящихся в принципиальной оппозиции к советской диктатуре, весьма небезразличен вопрос подьеме производительности в СССР. В свое время Мартов и в своем выступлении на съезде профсоюзов (1919 г.), а затем и в статье «К вопросу о задаче партии» (1921 г.) указывал, что в переживаемую эпоху экономическая необходимость вынуждает рабочие партии, хотя бы они того или нет, считаться во всей своей деятельности с задачами восстановления народного хозяйства. В отношении же Советской России Мартов считал, что задача русских социалистов сделать от них зависящее для подьема и укрепления хозяйства страны революции. Так именно было отношение нашей партии к этим задачам все истекшие годы. Проблема сохранения существования СССР, социальные завоевания пролетариата — это такие важнейшие и серьезнейшие задачи, что их может игнорировать ни один социалист.

Итак СССР стоит перед задачей поднятия производительности в промышленных и с.-х. предприятиях. какими же мерами пытается советская власть осуществить эту цель? Стахановщина объявлена универсальным средством, стахановщина на заводах и шахтах, в колхозах и у прилавков, в химической лаборатории и на конюшне фермы. Попробовали некоторые советские теоретики дать определение понятия стахановщины. Но оно оказалось столь универсальным, что этой затее пришлось отказаться. Все, что способствует увеличению и улучшению работы, горнорабочего академика, в СССР на ближайший период называется стахановщиной. Стахановщина пришла на смену уд

ичеству и отличию. Это — новый агитационный прием, которым большевики пытаются осуществить очередную кампанию, предписанную постановлением ЦК. Это один из тех рычагов, которым большевики, как показал опыт, умело пользуются.

И до стахановщины советская власть в последние годы применяла самые разнообразные приемы и методы для того, чтобы поднять выработку и дисциплину на предприятии. Миллионы рабочих были пропущены через разнообразные технические курсы и сдали экзамены на техминимум. На предприятиях были установлены строжайшие правила внутреннего распорядка. Директору было предоставлено единоличное право на управление предприятием. Повсюду была введена сделщина, прогрессивная и ничем неограниченная. Запрещены были прогулы и самовольные уходы с предприятий. За нарушение этих правил карали суровыми штрафами, увольнениями и выселениями. Кое-какие положительные результаты были достигнуты. Но производительность советских предприятий, даже самых новых и технически совершенных, как мы сказали уже выше, оставалась ниже не только средней европейской, но и гораздо ниже стахановских предположений. А между тем эти проектные предположения русскими инженерами и европейскими консультантами были установлены, исходя из «пониженных норм», так как учитывались специфические русские культурные и технические условия.

Сейчас на советских заводах, шахтах и колхозах с высшего благословения начат опасный поход против всяких «научно обоснованных норм». Каждый объективный наблюдатель советской экономики должен будет признать, что большинство этих норм действительно определено было на очень низком уровне, без должного учета новых технических усовершенствований и рационализаторских мероприятий. В строительной технике еще до сих пор руководствуются несколько историческими нормами Урочного Положения, выработанными в конце прошлого столетия. В большинстве промышленных предприятий действуют нормы, выработанные «на глазок», невежественными мастерами в период хозяйственной разрухи. То обстоятельство, что на многих заводах и шахтах и до стахановщины лишь от 1-2% рабочих выполняют нормы ниже 100%, а в 75-80% рабочих ее перевыполняют в полтора раза и выше — яркое доказательство того, что нормы должны быть пересмотрены. До стахановщины в угольной промышленности производительность рабочего забойщика в самых благоприятных технических условиях была равна лишь 50% производительности русского рабочего, в нефтяной промышленности — 40-50% производительности рабочего в Калифорнии, в машиностроении — полезное машинное время в СССР равнялось 25-30%, а в Соединенных Штатах Америки — 60-65% всего рабочего времени, простои в СССР равнялись 30-50% рабочего времени, а в Соединенных Штатах 10-15%. Каменьщики в СССР укладывали лишь четвертую часть того, что делали их европейские товарищи. Таких примеров можно привести сотни.

Под коммунистическим воздействием почти одновременно в различных концах СССР, на заводах и на полях, появились Стахановы, Бусыгины, Виноградовы и проч., которые стали перевыполнять установленные нормы в 3, 5 и даже 10-20 раз.

То обстоятельство, что советская власть поставила своей задачей направить особое внимание всего персонала предприятия, от инженера до чернорабочего на рационализацию работы, на повышение качества выработки, что она пытается делать это не угрозами и штрафами, как делала в прошлые годы, а методами апеллирующими к общественной и личной заинтересо-

ванности трудящихся — это явление несомненно положительное.

Но как примитивно, антисоциально и малорасчетливо осуществляется эта советская рационализация!

Стахановщина пытается сочетать мероприятия по рационализации производства (разделение труда, упорядочение рабочего места, постоянный приток сырья и полуфабрикатов, своевременная отвозка) с уплотнением работы и увеличением норм выработки. В отличие от былого ударничества трудовому энтузиазму отводится значительно меньшее место, а центр тяжести переносится на стремление рабочего к более высокому заработку. Соревнование, высокие заработки и премирование сейчас поставлены в центре всей хозяйственной жизни СССР. Вожди ВКП сознательно создают вокруг стахановщины атмосферу рекордсменства и спортивного напряжения. Пятаков на совещании с директорами предприятий откровенно указал, что рекордсменство необходимо для того, чтобы создать стимулы для высокой выработки и для нащупывания «методологии по пересмотру норм».

Некоторые критики относятся отрицательно к стахановщине только потому, что она построена на стремлении к высокому заработку. Желание улучшить условия своего существования, создать для себя и для своей семьи возможность материальных и культурных условий, вполне законное право рабочего. Более того, только в условиях удовлетворения элементарных человеческих потребностей могут пробудиться и общественные интересы и стремление к самостоятельности и демократии. С. Шварц в своей статье «Личное и общественное» правильно отметил, что среди стимулов, побуждающих стахановцев повышать свою производительность, немалую роль играют и моменты общественного порядка. В высшей степени характерно, что стахановец Бусыгин в своем новогоднем интервью заявил, что сейчас «...я стал больше думать о государственных делах, я глубже окупился в политическую жизнь. Кроме того я начал учиться»; а Стаханов заявил, что его главная мечта, чтобы «в 1936 году мы имели возможность неустанно и настойчиво учиться и двигаться вперед!»

В таких настроениях нет мешанства и нет самодовольного застоя!

Но точно также нужно отбросить всякие утверждения коммунистов, что стахановщина представляет собой массовое рабочее движение. Стахановщина это очередная кампания, проводимая во всех углах Советской России коммунистическими и партийными комитетами. Хотя «Правда» и помещает призывы к коммунистам «возглавить» стахановское движение, но гораздо правдивее изображается действительное положение вещей директором Воскресенского химического комбината Опариным: «Как то раз звонят ко мне из редакции «За Индустриализацию»: «А как у вас со стахановским движением?» Я стал путаться. После этого позвал к себе секретаря партийного комитета, спрашиваю: «Заворачиваете что-нибудь? Говорит — нет. Я говорю: нужно. Собрали народ и развернули мы это дело основательно!» («За Индустр.», 31 дек. 1935 г.). Мы присутствуем при том, как настойчиво и энергично разворачивается коммунистами и советской властью очередная кампания, как она опирается и использует молодую энергию, соревнование, американизм и желание выдвинуться тысяч отдельных рабочих, крестьян и служащих. Но никакого самостоятельного движения, никакой свободной самоорганизации для этой цели групп рабочих нет и следа. Основной порок стахановщины в том, что в своем стремлении поднять производительность труда она центр тяжести переносит

от рационализации и организации производства на интенсификацию труда рабочего. Хотя, как мы указали выше, и интенсификация труда в среднем стоит в СССР на невысоком уровне, однако, роль интенсивности работы рабочих ничтожна по сравнению с снижающим эффектом факторами, идущими от организации труда на предприятии. Необходимость обеспечить регулярное бесперебойное снабжение сырьем, полуфабрикатами и энергией, постоянное содержание оборудования в чистоте и порядке, наличие исправного инструмента и запасных частей, улучшение качества подаваемых в обработку полупродуктов, оптовых материалов и т. д. — это факторы, играющие, особенно в советских условиях, гораздо большую роль, чем интенсивность труда рабочих.

Буровой мастер Бутюков рассказывает: бурим мы нефтяные скважины 10 дней, ускоряем работу в 5-8 раз, а затем 15 дней гуляем. Дальнейшие работы не подготовлены. — Партсекретарь Саркисов сообщает: «одна бригада работает по стахановски, но отвозка плохо организована, движение плохо организовано, подъем плохо работает».

В увлечении стахановщиной сейчас, по рассказам отдельных директоров, на заводах и шахтах создают для стахановцев «искусственные условия труда». Отбирают лучших рабочих со всего предприятия, снабжают их лучшим инструментом, организуют бесперебойную подачу материала и под надзором всех местных, заводских и партийных властей «разворачивают соревнование» и ставят умопомрачающие рекорды, в 10, 20 и 30 раз выше норм.

Здесь то и таится порок стахановщины даже в области достижения экономического эффекта. Казалось, после решений прошлого съезда ВКП, что от «штурмовщины», как метода работы промышленных предприятий отказались навсегда. Были твердо запрещены «встречные планы», «пятилетки в четыре года», выполнения работы лихорадящими рывками. Одним из наиболее ценных достижений последнего года была ровная работа отдельных предприятий и уменьшение диспропорций между отраслями. В индустрии стал устанавливаться твердый режим работы, столь необходимый для всякого сложного бесперебойно действующего организма.

И вдруг... Штурмовщина воскрешается в самом вредном виде. Стахановщина не обеспечивает равномерного подъема всего цикла работы, всех элементов производственного процесса. Не только между отдельными отраслями, но даже в цехах, в шахтах выполнение отдельных процессов будет совершенно несогласованно.

Было бы ошибкой думать, что стахановщина и в ее современной форме не увеличивает производства предприятия. Средняя суточная выплавка, напр., стали поднялась с 35,5 тыс. тонн в сентябре до 38 тыс. тонн в декабре и продолжает расти в январе. Производство автомобилей поднялось за эти месяцы на 20-30%. В Донбассе среднесуточная добыча угля поднялась с 178,2 тыс. тонн в сентябре до 229 тыс. тонн в декабре. Таких сведений уже много в советских отчетах.

Но опыт первых же стахановских дней, суток, смен показал, что этот метод создает неровную и неустойчивую выработку. Особенно интересен отчет треста Шахтантрацит, который показывает, на основании опыта 5 шахт, дважды проводивших стахановские сутки, что накануне стахановских суток добыча шахт падала ниже обычного среднего уровня, в день стахановских суток добыча подымалась на 40-50%, а затем на другой день в большинстве

случаев вновь падала ниже до-стахановского среднего уровня. Точно о таком же положении дел сообщают корреспонденты металлургического завода им. Петровского по выплавке чугуна и по производству мартеновской стали («З. И.», 8 января 1936).

Мы думаем, что методами стахановщины удастся поднять производительность отдельных станков, цехов, быть может даже отдельных предприятий, но средств рационализации производства народного хозяйства в целом стахановщина быть не может: она срытывает в производство лихорадочность, она срывает планы, она создает диспропорции. Мы убеждены, что когда руководители советского хозяйства действительно овладеют производством, то они откажутся от стахановщины, как отказались от ударничества и штурмовщины.

Но в области социальной стахановщина имеет еще более яркие отрицательные стороны.

Орджоникидзе считает заслугой стахановщины то, что она ломает «научные пределы» и «технические нормы». Но даже, если признавать, как это делаем мы, что многие нормы устарели и должны быть пересмотрены, то разве эту ответственнейшую задачу можно выполнять такими дезорганизующими, анархическими и анти-социальными методами?

Не говоря уже о том, что перевыполнение норм 10-20 раз губительно отражается на сложнейших машинах и аппаратах, к бережению которых столько призывали, рекордсменское соревнование ведет к истощению и физическому надрыву привлеченных к стахановщине рабочих. Может ли на такой путь вступить «первое рабочее государство»?

Не на основе «достижений» стахановщины, не в порядке индивидуального ухарничества и молодечества, разжигаемого наградами и честолюбием, должны быть выработаны новые нормы. Во всем мире рабочие партии и профсоюзы добиваются, что нормы производства рассматривались не только с углом зрения повышения выработки, но и со стороны охраны единственного капитала рабочего: его здоровья.

Стахановцам сейчас в СССР курят фиимиам, о них слагают оды, с них пишут портреты, но во всей советской печати вы не найдете ни одного слова о мероприятиях по охране здоровья стахановцев, ни одного проявления тревоги о том, не сжигают ли себя стахановцы непосильном напряжении.

Действительная забота о рабочих кадрах, а тем более действительная забота о пролетарской молодежи требует, чтобы нездоровое рекордсменство было прекращено, а пересмотр норм был осуществлен авторитетными комиссиями с участием представителей рабочих. Отсутствие свободных профсоюзов делает эту задачу особенно ответственной в современном СССР. Потому что только представители свободных профсоюзов могут обеспечить, чтобы поднятие производительности труда не совершалось главным образом за счет интенсификации труда и чтобы поднятие и улучшение выработки не сопровождалось снижением заработка среднего рабочего. А такая опасность несомненно имеется. Поскольку совласть из-за бои инфляции не решается на значительное увеличение общего фонда зарплаты, сильное увеличение заработка стахановцев, если число их заметно увеличится, угрожает снижением заработка основных масс рабочих. Этого избежать можно лишь отказом от неограниченного сдельщины и соответствующим установлением расценок. А между тем многие хозяйственники уже сейчас, при одобрении начальства говорят о том, что впредь будут считаться не с «защитниками из профсоюзов», лишь с требованиями машинного времени.

Одним из несомненных результатов стахановщины будет еще большее расслоение рабочих. Уже сейчас между условиями быта, питания, возможностями культуры стахановцев (не свыше 5-8% всех рабочих), получающих 2-3 тысячи в месяц, и рабочей массой, имеющей в месяц прожиточный минимум в 200-250 рублей, громадная, опасная пропасть. Мы не говорим о инженерах, зарабатывающих иногда по 8-20 тысяч в месяц.

Конечно, некоторые положительные результаты от стахановщины будут: в среднем поднимется выработка, улучшится качество, кое-где упорядочится организация предприятия. Но те формы, в которых рационализация проводится, принесут в основном больше вреда, чем пользы.

Задача, которую поставили себе руководители советской России — поднять производительность и уде-

шевить стоимость производства — правильная и нужнейшая, но ее решать надо другими методами. В той самой статье, в которой Мартов считал необходимым во имя интересов революции заботу рабочих организаций о возрождении производительных сил страны, он ярко и убедительно доказывает, что действительное возрождение производительных сил в интересах пролетариата, а не против него, возможно лишь в условиях свободной деятельности рабочих организаций.

В СССР нет даже зачатков свободной рабочей самодеятельности. Этим в значительной степени объясняется то озлобление и раздражение, которые встречаются стахановцы в широких кругах русских рабочих, и то смущение, которое вызывают сообщения о стахановских методах в кругах европейского пролетариата.

А. Югов.

ЕВА ЛЬВОВНА БРОЙДО

Весной 1928 г. член нашего Ц. К. и Загр. Дел. Ева Львовна Бройдо, нелегально проехавшая в ноябре 1927 года в Россию, была арестована ГПУ. С тех пор начинается «хождение по мукам» этой храброй женщины, мужеству и непреклонности которой воздавали должное и сами чекисты. Три долгих года отбывала она строгое одиночное заключение в Суздальском политизоляторе, в полной отрезанности от внешнего мира и даже от других заключенных в той же тюрьме, в сырой камере, сильно надорвавшей здоровье немолодой уже женщины (Ева Львовне под 60 лет). За это время ей пришлось выдержать бешеный натиск чекистских фальшивомонетчиков, фабриковавших печальной памяти «меньшевистский процесс» и нуждавшихся в лжесвидетелях и «кающихся меньшевиках», дающих «откровенные показания». Каким идеальным свидетелем обвинения для Вышинского и Крыленки явилась бы Е. Л., действительно нелегально пробравшаяся в Россию с поручением от партии, действительно стоявшая в связи с нашими нелегальными группами в России, если-б она согласилась выступить на суде с подтверждением всей этой клеветнической и нелепой лжи, которую советские прокуроры состряпали для компрометирования нашей партии! Но Е. Л., как и второй делегат Загр. Дел., М. А. Броунштейн, уже после Е. Л. пробравшийся в Россию, оказали чекистам такой отпор, что советские «судьи неправедные» должны были отказаться от своей затеи. И на суде вместо двух «курьеров», действительно проехавших в Россию и находившихся в руках властей, должен был, к величайшему конфузу даже для самих коммунистов, фигурировать «курьер» вымышленный, никогда в Россию не ездивший и неопровержимо перед общественным мнением всего мира доказавший свою алиби.

Мстительное ГПУ заставило Е. Л. дорого заплатить за свое сопротивление его планам. После отбытия срока заключения в Суздали она получила ссылку на 5 лет в Туркестан. В Ташкенте, на маленькой и крайне утомительной службе вела она полуголодное существование, отягощенное полной оторванностью от друзей, от семьи, от свободного слова. Социалистические деятельницы Европы, подружившиеся с Е. Л. по совместной работе в Международном Женском Соц. Комитете, членом которого она состояла в течение ряда лет, не переставали в печати и в прямых обращениях к представителям сов. правительства протестовать против преследований, которым подвергалась Е. Л. и требовать ее освобождения и разрешения ей выехать за границу. В том же духе состоялись выступления и обращения ря-

да выдающихся политиков, в особенности в Англии и Франции. И вот, как-бы в ответ на это — советское правительство сочло нужным, в момент, когда истек срок пятилетней ссылки в Туркестане, дать нашему товарищу новый «приговор»: 5 лет ссылки в Улала, Ойратской области, на границе Монголии...

Из Ташкента в Улала, из Туркестанской ссылки в еще горшую, монгольскую, — вот страдный путь старой социалистки и революционерки, стоявшей у колыбели русского рабочего движения, неоднократно проделавшей царскую ссылку, всю свою сознательную жизнь отдавшей на служение социализму. Новых пять лет полной оторванности от мира и полуголодного существования вдали от врачей, медикаментов и элементарных удобств, вот участь, которая предстоит 60-летней женщине, с больными легкими, с нажитым в советских тюрьмах ревматизмом.

Если ГПУ надеется сломить таким образом сопротивление нашего товарища, то оно сильно заблуждается. На примере сотен других товарищей, в течение 15 лет мужественно и непреклонно переносящих самые жестокие преследования, большевистская диктатура могла бы, казалось, уже давно убедиться в тщетности всех попыток сломить российскую социалдемократию физическим насилием: мир с нашей партией может быть заключен только на основе политических уступок.

Но вернее всего, что садистами из ГПУ и политбюро руководит не тот или иной политический расчет, а просто низкое чувство мести. Им, привыкшим к тому, чтобы все их боялись и все им покорялось, непереносно представление, что имеются люди, которых нельзя запугать и сломить.

Низкую кровожадность чекистских деспотов мы не перестанем предавать суду и презрению социалистического пролетариата мира.

Р. Абрамович.

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

Амнистия... в странах фашизма и реакции

В ряде стран, фашистских или неблагополучных по фашизму, за последнее время провозглашена была амнистия политическим заключенным. Правда, дело идет не о «ведущих» странах фашизма. В Италии и Германии самая мысль об амнистии считалась бы святотатственным покушением на незыблемость фашистского строя, держащегося на дыбе и виселице. Но в клерикал-фашистской Австрии, но в полуфашистской Польше, но в монархической Греции, но в Испании, находящейся на грани контр-революции, правительства стали на путь амнистии.

Мы знаем цену этим манифестациям гражданского миролюбия, к которым прибегают разжигатели гражданской войны. В лучшем случае амнистия призвана в указанных странах сыграть роль бочки с маслом, выливаемой на бушующие волны политических страстей, как, напр., в Испании и Греции. В Польше дарование амнистии свидетельствует о стремлении правительства «полковников»-диалогов подпереть режим диктатуры, поколебленный исчезновением диктатора. В Австрии к внутренней слабости клерикал - фашистской диктатуры, зажатой между национал - социалистическим и социал - демократическим подпольем, и лишенной собственной социальной основы, прибавляются соображения международного порядка, необходимость подлаживаться под демократических гарантов австрийской независимости, в виду ухода фашистской Италии с границы в Бреннере.

Различие в мотивах, побудивших правителей ряда фашистских и реакционных стран вступить на путь политической амнистии, сказывается и в охвате этой меры. В Польше амнистировано около 30.000 заключенных, 98% всех узников, но, напр., на эмигрантов по делу «Центролева» амнистия не распространена. Такой же отсев пленников диктатуры сделан и в Австрии. В обеих странах амнистия носит характер чрезвычайной меры, рассчитанной на мгновенный эффект, и отнюдь не является прологом к восстановлению правового порядка, свободы и демократии. Неясен пока характер этой меры в Греции и Испании. Но как бы там ни было, перед нами знаменательный факт вынужденного мотивами внутреннего и внешнего порядка объявления широкой амнистии по инициативе фашистских или просто реакционных правительств.

И невольно бросается в глаза разительный контраст между амнистией в фашистских странах и усилением террора в Советской России. То, что оказывается возможным в странах жестокой политической и социальной реакции, является невозможным в «первой стране социализма», в стране «рабочей демократии»! Фашистские и полуфашистские правительства освобождают из тюрем социалистов и коммунистов; советское правительство продолжает держать в тюрьмах и концлагерях, в ссылке и в «минусах» социалистов и оппозиционных коммунистов, не говоря уже о не-социалистических жертвах террора.

В Австрии объявляется амнистия через два года после вооруженного выступления с.д. шуцбунда. В Испании амнистия объявляется через год после восстания рабочих в Астурии. В Греции реставрированная монархия возвещает амнистию через несколько месяцев после гражданской войны. А в Советской России, через целых 18 лет после прихода большевиков к власти и через 15 лет после окончания гражданской войны и интервенции, диктатура не решается дать амнистию не только «недобиткам» поверженных и уничтоженных имущих классов, но даже социалистам и оппозиционерам-коммунистам, но даже рабочим и крестьянам, по-

каренным за действительное или мнимое сопротивление генеральной линии. Больше того, по мере успехов генеральной линии, по мере ликвидации классов и приближения к «бесклассовому обществу», по мере «координации социалистического строя» и перехода к «всеселой и счастливой жизни» пресс террора завинчивается все сильнее, и амнистия представляется советскому населению столь же несбыточной и невозможной мерой, как и в странах тоталитарной фашистской диктатуры, в Германии и в Италии.

Можно быть разного мнения о допустимости и оправданности террора в подлинно пролетарской революции. Можно вместе с Виктором Гюго (см. его знаменитое стихотворение «Девяносто третий год») считать, что «террор спас свободу», и видеть его историческое оправдание, если не оправдание в жестоком воспитании, полученном народными массами в бесправное время абсолютизма. Можно вместе с Отто Бьюэром и Леоном Блюмом извинять печальную необходимость большевистский террор в острый период гражданской войны — по аналогии с террором великой буржуазной революции во Франции. Не разделяя этого притяжения террора, как метода борьбы пролетарской партии или пролетарской власти, мы не можем, однако, не видеть, что современный большевистский террор не имеет даже того условного исторического оправдания, какой дается ему иными для периода острой гражданской войны и иностранной интервенции.

Мы и в эпоху гражданской войны не видели оправдания для разгула правительственного террора, как разнудывавшего стихийный, мстительный, низовый террор, вернее, самосуд масс. В самый острый период гражданской войны покойный Ю. О. Матов, поддерживавший вооруженную борьбу с белыми армиями, бросил в лицо Ленину и Троцкому, волочившим в крови чекистских застенков знамя социализма, свой пламенный памфлет: «Долой смертную казнь». Но приходится напомнить, что в этот период прямая борьба с вооруженными армиями своих врагов большевистская диктатура, при всех своих террористических неистовствах, как-то терпимее относилась к инакомыслию, душила, но и терпела временами какую-то независимую печать, какие-то небольшевистские организации, пыталась даже отменить смертную казнь, давать амнистию. Теперь, когда гражданская война, по слову Беранже, «сказкой казарменной стала», смутное время военного коммунизма кажется сплошным «гигантским либерализмом». Сталинская эпоха «мирной социалистической стройки» не может вместить даже той скупой меры «свободы», которая была возможна в те далекие времена, когда неупрочившаяся еще соввласть со всех сторон была окружена вооруженными врагами, когда она, в сущности, еще ограничивалась пределами городов, когда коммунистическая партия, по выражению Сталина, была только «тоненькой ниточкой» в океане беспартийности, над сермяжным морем белобрежной России. Диктатура стала личной и тем самым тоталитарной. Круг преследуемых врагов, действительных или мнимых, автоматически расширился, захватывая уже в рядах самой правящей партии правые и левые «уклоны» от генеральной линии сталинского единовластия.

«Державец полумира», зажатый в тиски двойной внешней опасности и вынужденный искать союза с демократическими странами Запада, посулил в прошлом году демократизацию советской конституции, введение четыреххвостки, создание парламента. Но ни в прошлом году на съезде советов, ни теперь на сессии ЦИК, это

суррогата советского парламента, мы ни слова не слышали об амнистии. Это лучше всего вскрывает лживый характер сталинских посулов. Четырехставка и парламент без амнистии и политической свободы как две капли воды были бы схожи с фашистской «демократией» Италии и Германии, сохранивших для внешнего употребления фасад парламентаризма и всеобщего избирательного права.

Сталин не ставит амнистии в порядок дня. Но это требование начинают — робко и нерешительно — ставить в порядок дня европейские социалисты. Робко и нерешительно, ибо еще не кончился «заговор молчания», без сговора установившийся по отношению к большевистскому режиму в России. Этот заговор молчания, прерывавшийся лишь в моменты особенно сильных всплесков террора, как, напр., после бессудной казни сотни невинных людей в ответ на убийство Кирова коммунистом Николаевым, начался задолго до единого фронта, частью из национально-государственных соображений, частью как односторонняя — без взаимности — демонстрация готовности заключить договор о взаимном ненападении между социалистическими и коммунистическими партиями. Но нельзя отрицать и того, что неправильно понятая и проводимая тактика единого фронта может усугублять этот недопустимый для социалистов заговор молчания по отношению к террористическому режиму в России.

Между тем с каждым днем становится яснее, что тактика единого фронта, диктуемая в ряде стран потребностями борьбы с фашистской диктатурой или с фашистской опасностью, неотвратимо наталкивается на вопрос о терроре в стране советов. Становится все более очевидным, как трудно вести борьбу за мобилизацию общественного мнения против фашистского террора и против фашистской диктатуры в союзе с партиями того самого коммунизма, который нераздельно господствует в Советском Союзе и неослабно практикует самый бесшабашный террор против своих политических противников, не исключая социалистов и оппозиционных коммунистов. Позор большевистского террора пятнает весь антифашистский фронт на Западе и убивает попытки превращения политики единого фронта в политику восстановления пролетарского единства. Но этот позор большевистского террора, незнающего ни пощады, ни передышки, становится — должен стать — прямо нестерпимым для социалистов Запады перед лицом учащающихся фактов политической амнистии в странах фашизма и реакции.

Вопрос об амнистии в Советской России становится для социалистов Запады — должен стать — вопросом совести и чести, но и вопросом политического расчета. Время пришло для социальной и интервенции, которую с такой страстью проповедывал покойный П. Б. Аксельрод, как величайший долг и прямую обязанность международного социализма. Тактический поворот Коминтерна, продиктованный кремлевским диктатором под влиянием внешне-политических опасностей, создает сейчас более благоприятную почву для такой морально-политической интервенции. Этот поворот свидетельствует о заинтересованности советского правительства не только в союзных комбинациях с буржуазными правительствами демократических стран, но и в сближении с социалистическими партиями Запады, являющимися в странах демократии влиятельными факторами внешней политики.

Мы не питаем никаких иллюзий насчет практических результатов этой моральной интервенции. Дело, конечно, не в апелляции к чувству человечности новоявленных апостолов «пролетарского гуманизма». Дело в выяснении тех политических условий, которые могли бы подвести прочную базу под политику единого фронта,

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания:

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 франц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 фр. франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 20 франц. фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.

уничтожив раз'едающую ее двусмысленность. Только реальные перемены в политическом режиме Советского Союза в направлении действительной его демократизации и действительного восстановления политических свобод могут создать необходимую основу для единого фронта на Западе, в частности, для политики «народного фронта», рассчитанной на привлечение средних классов.

И только в связи с требованием реальных перемен в политическом режиме Советского Союза лозунг политической амнистии может приобрести должное значение. Социалистические борцы, являющиеся жертвами большевистского террора, не нуждаются в «прощении», в забвении «грехов» прошлого. Амнистия останется лицемерным «актом гуманности», если не будут созданы необходимые условия для свободной политической деятельности в Советском Союзе. Это начинают понимать и некоторые западно-европейские социалисты, имеющие мужество прервать заговор молчания и поставить в порядок дня вопрос об амнистии. Так, журнал «Комба марксист» говорит об «освобождении социалистической идеи». Но последовательное развитие этого требования неизбежно упирается в принцип неделимости свободы. Режим политической свободы не может не быть режимом свободы для всех. Отступление от принципа неделимости свободы и привело к пленению социалистической идеи, к заселению советских узилищ социалистами и коммунистами, к подавлению всех проявлений рабочей самостоятельности. Формально возвращаясь ныне к принципу всеобщности избирательного права, советская власть тем самым лишила формальной силы и свои принципиальные возражения против распространения и других гражданских прав и свобод на всех жителей Советского Союза. Заставить большевиков быть последовательными на практике может только давление масс.

Амнистия, как «милость» власти, может стать на завтра неизбежной данью «демократическим предразсудкам» европейских социалистов или даже только буржуазно-демократических правительств. Амнистия, как пролог действительного перехода к режиму политической свободы и демократии, может быть завоевана лишь внутренними силами, давлением трудящихся масс в самой России, но при неременной поддержке европейского социализма, сознавшего международно-пролетарское значение русской политической проблемы.

П. Гарви.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

«ГЕРОСТРАТЫ РЕВОЛЮЦИИ».

На годовщину убийства Кирова откликнулась вся советская печать — портретами Кирова, воспоминаниями, негодованием по адресу казненных убийц и сосланных оппозиционеров. Но и с лупой в руках в большинстве этих откликов нельзя найти ничего кроме казенного славословия и казенного негодования. Особое место займет среди этой казенщины невольный, м. б., отклик крупнейшего литературного журнала «Красная Новь».

Центральное место в недавно вышедшем декабрьском номере журнала занимает напечатанный сразу целиком большой роман совсем молодого писателя Виктора Орлова «Искатели славы». Было бы ошибкой искать в романе прямых указаний на связь интересующей автора темы с убийством Кирова, а в знаменитом большевике Ярогове — фотографических черт сходства с Кировым (хотя намеки на сходство и рассеяны в произведении). Едва-ли вообще автор сознательно поставил себе целью вскрыть в сюсю психологическую обстановку, при которой среди части «старых комсомольцев» зародились террористические настроения, приведшие к трагической развязке. И тем не менее, именно попыткой заглянуть внутрь душевного мира молодых коммунистов, выросших в азартном воздухе начала генеральной линии, роман этот — при всей тенденциозности в трактовке темы — займет видное место в литературе о генеральной линии.

Формально центральным действующим лицом романа является молодой, разочарованный личными неудачами, страдающий честолюбием, анархистствующий коммунист Сергей Немахов, он же Сергей Заратустра. Сын владельца часового магазина, он мечтал быть одновременно Цезарем и Дантоном. Ни то, ни другое не удалось. Не удалась и личная жизнь: Оля Снежкова, девушка, с которой он вместе вырос, предпочла ему другого товарища детских игр — Яшку Ярогова. Этому Яшку он тоже знает с детства и относился к нему всегда сдержанно. Но сейчас даже Яроговская «кепка, поднятая козырьком вверх, в потолок, — самый ненавистный фетиш! — стремительный вихор волос, скуластое, чуть смягченное улыбкой лицо», не говоря уже об успехах Ярогова — вызывают в нем бессильную, жгучую ненависть. Приятель Немахова Иван Низов верно ставит диагноз состояния Немахова в вопросе: «Геростратствуешь?» «Да, геростратствую», поднимает Немахов этот крик как знамя. Душевное состояние Немахова обостряется до взрыва, когда он узнает, что Ярогов ушел от Оли Снежковой к другой женщине, Веронике, которую Немахов полюбил после того, как Оля Снежкова ушла к Ярогову. И то, что Ярогов опять «отнял» у него его счастье, Немахов воспринимает как последний удар. Он хочет убить Ярогова. В оставленном им дневнике, «единственным читателем» которого стал следователь, Немахов предвосхищает свои собственные похороны, которые превратятся «в суд над последним явлением лишнего человека в истории русской интеллигенции». Немахов назначает свидание Ярогову в пустующей комнате Оли Снежковой, Ярогов случайно опаздывает, и Немахов, потерявший последние остатки душевного равновесия, расстреливает портрет Ярогова и пускает себе пулю в лоб.

Такова фабула романа, в которой Немахов играет, в сущности, роль путеводителя по лабиринту страстей, пыльным, больным цветом распустившихся в лихорадочной обстановке генеральной линии. Немахов не одинок. В редакции «большой газеты» — автор чуть-чуть намекает, что речь идет о большой комсомольской газете —, в которой он работает, все «ведущее ядро»

сотрудников — морально и политически совершенно разложившиеся люди. Автор дает потрясающие в своем реализме зарисовки их нравов, образцы их «бланных» разговоров. Исключение в этой компании составляет «душа» этого ядра — Иван Низов, «отрок с белым кровным, худым лицом, с тонкой талией, с мальчишески подстриженными волосами», личность загадочной, невидимой, жизнью исправленный и дополненный портрет Николая Ставрогина из «Бесов» Достоевского. Он подчиняет себе этих молодых циников, делает их орудием в своих руках, сбивая их в компактную группу «Перпетуум-мобиле», поставляет для них новую философию и стратегию.

Каковы задачи этой группы? Они сформулированы предельно ясно: «Имитируйте эпоху. Умейте хорошо имитировать эпоху. Оставьте приложиться». «Отрок прав, — говорит верный ученик Немахов, — надо заключить с эпохой сделку. Надо обвести эпоху вокруг пальца и взять себе славу. А за кулисами славы — высокие гонорары, неограниченные авансы издателей, кутежи, женщины с гладкими прическами — любовь за любовь и любовь за славу». «Эпоха», скажем, ищет рабочих-поэтов. Отлично. Низов разыскивает одиночку-рабочего, неудачника, ужаленного ядом честолюбия, рабкора Федора Латыгина. У Латыгина одна «мечта»: научиться писать, чтобы прославиться. «Перпетуум-мобиле» ему обещает славу, красивую женщину, имя поэта. За это он должен только беспрекословно подчиниться «Перпетуум-мобиле». Федор Латыгин долго колеблется: ведь, хотя он и неудачник, и честолюбец, в нем живет все-таки какая-то бескорыстная привязанность к своему брату-рабочему человеку. Во время пьяной сцены посвящения его в рабочие поэты, он в порыве какого-то страшного минутного озарения восклицает: «Тов. Низов, никогда не думал, что вы так ненавидите наш класс пролетариата». Страшен конец этого пролетарского капитана Лебядкина: «Перпетуум-мобиле» не научило его искусству, члены группы просто писали за него стихи, он давал свое имя и делился гонораром, они же свели его с девушкой из заколдованного для него мира. Он полюбил эту «ластоногую» девушку на всю жизнь, но она изменила ему. Не добившись славы, потеряв Нину, он, как и Немахов, добровольно обрывает свою жизненную «трагикомедию» (это слово Латыгин придумал вместо чужого для его уха слова «трагикомедия»).

Стратегия «Перпетуум-мобиле» не менее отчетлива, чем его философия. «Перпетуум-мобиле» стоит за стратегию «данайцев»: «Данайцы принесли в дар врагу деревянного коня, и Троя пала», говорит Низов Немахову и продолжает: «запомни: мы — воины, спрятанные в утробе коварного конька, мы — данайцы. Прими их догматы. Создай вставное «я». Вставное для них, для их догматов. Своё «я», настоящее, субстанцию, запри наглухо в подсознание. Подсознание оставь себе... Больше ничего не требуется. Никакого грубого приспособленчества».

Само собой разумеется, роман кончается разгромом «данайцев». Отдан приказ об их аресте. Низов, которому удается еще получить командировку в Хабаровск, откуда он собирается бежать в Америку, арестуется по пути (ему, однако, и на этот раз удается выпутаться). Но о его дальнейшей судьбе автор ничего не сообщает). Сменяется состав редакции. Все в порядке. Борьбу с «перпетуум-мобиле» ведет комсомолец из бывших беспризорников, Иван Вахрушин. Вахрушин талантлив, молод, горяч и честен. Но победа его и возглавляемого

им группки «следопытов» отнюдь не представляется в условиях диктатуры и созданного ею режима закономерной. Напротив, читатель ощущает лишь как отрадную случайность, что Вахрушин побеждает. Слишком ясно читателю, что этой победой Вахрушин обязан лишь слишком откровенной болтливости Немахова и появлению в редакции нового человека, все того же неперемного Ярогова.

Есть в романе одна исключительная по своей драматической символике сцена: в парке культуры идет карнавал, «фантастический конгресс веселых масок». Среди веселящихся один без маски, «самая мрачная маска карнавала» — Немахов; он подходит к Веронике, сообщая ей о своем намерении убить Ярогова, и тут же теряется в толпе. Вероника с криком бросается за Немаховым, но целая толпа веселых масок, думая, что это очередная «карнавальная шутка», преграждает ей путь. Вероника прорывает этот, вдруг ставший ей страшным круг «веселых масок», бежит к телефону, но

там та же веселая очередь, она бежит на улицу, но и тут ее преследует тот же рок: что-то случилось с трамваем и целый поезд вагонов преграждает ей путь, «все те же маски смеялись над ней»... Если бы не случайное опоздание самого Ярогова, препятствия «из веселых масок» сделали бы свое дело.

Орлов интимно знает ту журналистическую и окололитературную партийную среду, которую описывает. Массовый читатель, которому эта среда незнакома, охотно следует за писателем в разоблачении им приличных в генеральной линии. Но никогда этот массовый читатель не согласится с автором в том, что суду подлежат только «данайцы», а не те, кто сделал возможным, что карьеризм, цинизм, ущербное нищестанство со всеми болезненными явлениями х и щ и о г о индивидуализма столь пышным цветом распустились в обществе, будто бы шествующем к коммунизму.

В. Александрова.

Война и „межклассовый мир“

Призывая на случай войны рабочий класс стран анти-гитлеровской коалиции к «положительному отношению к военной обороне против германского фашизма и к вооруженной победе над ним», наша партия (см. тезисы З. Д.) в то же время решительно отвергает и тезисы этих стран «политику межклассового мира (священного единения, бургфридена)».

Именно в этом пункте позиция нашей партии, тождественная с позицией «тезисов четверки», подвергается особенно сильной атаке со стороны критиков, стоящих на точке зрения «революционного пораженчества», а потому и абсолютного «неприятя войны» — по крайней мере до тех пор (в этом вопросе у «пораженцев» нет ни полного единомыслия, ни полной ясности, и, напр., высказывания Марсо Пивера по этому поводу значительно отличаются от высказываний т. Доманевской), пока власть не перешла в руки рабочего класса.

Как уже приходилось указывать, опасность скатывания политики активного военного отпора германскому фашизму к политике «межклассового мира» действительно создается для тех, кто считает фашизм лишь порожденной особыми национальными, а потому исторически «случайными» условиями развития капиталистического общества в отдельных странах, простую «антитезую демократии». В ходе войны, требующей предельного напряжения всех сил общества и потому до основания потрясающей всю его социальную структуру, все раздражающие современное капиталистическое общество противоречия должны будут неизбежно достигнуть крайней остроты. Кто думает, что, несмотря на это, в решающих центрах современного капитализма возможна еще война, действительным социальным содержанием которой будет единоборство между «анти-демократизмом» гитлеровской коалиции и «демократизмом» анти-гитлеровской, — тот, конечно, неизбежно должен будет, в конце концов — как бы силен ни был его суб'ективный «интернационализм» — поддерживать благочестивую ложь о «защите демократии», за которую ухватятся господствующие классы по одну сторону окопов, как их классовые друг-враги ухватятся за «защиту национальных интересов» по другую сторону. И тот, волей-неволей, будет расчищать почву политике межклассового мира во имя «общей цели».

Но этой опасности как будто не существует для тех, кто, подобно нашей партии, всю свою военную политику строит на познании фашизма, как той специ-

фической формы политического самоутверждения, к которой тяготеют и все больше будут тяготеть господствующие классы упадочного капиталистического мира во всех странах без исключения; кто отвергает «общность» целей войны капиталистической буржуазии и пролетариата по какою-бы то ни было сторону фронта и, наоборот, провозглашает эту «общность» для пролетариев по обе стороны его; кто полагает поэтому, что и перед рабочим классом самых демократических стран война поставит не вопрос: «фашизм или демократия?» — а вопрос: «капитализм в его фашистской форме или социализм?»

Но, если логически эта позиция «активного пролетарского интернационализма» к политике межклассового мира не ведет, то не приведет ли к ней и на практике положительное отношение к военному отпору и к победе над германским фашизмом? Это зависит целиком от того, как понимать и проводить на деле политику отказа от «межклассового мира», и тезисы З. Д. не напрасно подчеркивают, что отказ этот должен иметь практическое выражение в самих методах социалистического содействия обороне стран анти-гитлеровской коалиции и победе над германским фашизмом, в самих методах социалистической критики военной политики буржуазии. Каковы-же должны быть эти методы?

Переход власти, а вместе с тем и руководства войною в руки рабочего класса отнюдь не исчерпывается сменой правительственного персонала и официальным провозглашением новых, анти-империалистических и социально-революционных целей войны. Внешне-политический смысл войны неразрывно связан с направлением всей внутренне-политической деятельности ведущего войну правительства и с характером тех социальных сил, на которые оно опирается. Коренное изменение целей войны может стать реальностью и быть, как реальность, воспринято трудящимися массами по обе стороны окопов лишь постольку, поскольку все методы ведения, организации, хозяйственного, социального и политического обслуживания войны как на фронте, так и в тылу сами наглядно и убедительно свидетельствуют перед этими массами о происшедшем коренном изменении в соотношении социальных сил. Не слова, а лишь дела могут иметь для масс доказательную силу и придать войне иной, соответствующий их интересам смысл.

На фронте встанет, помимо руководства чисто

военными операциями, целый ряд вопросов, касающихся военной политики по отношению к «врагу» и к населению оккупированных областей, всей духовно-политической жизни армии, взаимоотношений между рядовыми и офицерами, судостроения, армейского быта в широком смысле этого слова, — вопросов, которые, при сохранении необходимой строгой, но на новые основания поставленной дисциплины, должны будут решаться под совершенно новым углом зрения и требовать организованного контроля трудящихся слоев страны: и при менее радикальных сменах режима посылка на фронт особых политических комиссаров всегда оказывалась необходимой! В тылу вся организация промышленности (особенно военной, но при новой технике войны вся промышленность становится «военной!»), всей хозяйственной жизни, распределения национального дохода, быта также должна будет получить печать новых социальных сил, которые сменят на правительственном посту силы старые. Различные формы контроля трудящихся, конфискация военных сверхприбылей, налоговая и финансовая политика, финансирование войны, признание солдатских семей, больных, раненых, инвалидов, вдов и сирот, распределение продовольственных средств, одежды, топлива, жилищ и т. д. — все эти вопросы придется решать новыми методами и в новом духе, не останавливаясь перед самым глубоким вмешательством во все существующие экономические и социальные отношения. В ходе всякой будущей войны все хозяйство еще в большей степени, чем это было в последней войне, должно будет поставлено под контроль государства. Но эта «этатизация» (подготавливаемая, кстати сказать, уже сейчас прогрессирующим вмешательством государства в хозяйственную жизнь) не имеет ничего общего с социализмом, поскольку она оставляет неприкосновенными капиталистические основы производства и распределения, а потому и социальной структуры общества. Но та же, навязываемая войною этатизация может и вправду стать исходной точкой прорыва капиталистических рамок, если она осуществляется в новом, пролетарском духе.

Таким образом, основным, решающим признаком политики «бургфридена», отказа рабочего класса от своей собственной, классовой политики во время войны, является не столько состав правительства, сколько фактическое направление его политики. Можно поэтому легко вообразить себе чисто социалистическое или руководимое социалистами правительство, военная политика которого будет нести на себе явную печать «бургфридена»^{*}). И, наоборот. Коалиционное правительство, объединяющее представителей пролетариата с представителями капиталистической буржуазии, разумеется, никакой другой политики, кроме «бургфриденской», вести не может. Но вполне возможны правительства, включающие в себя, наряду с представителями рабочего класса, представителей трудящихся буржуазных классов (крестьянство, мелкая городская буржуазия, интеллигенция) и все-же ведущие военную политику, ничего общего с политикой «бургфридена» не имеющую. Такие правительства — правительства «народного фронта» в подлинном смысле этого слова — не только возможны, они и крайне желательны с пролетарской точки зрения. Ибо возможность образования такого правительства свидетельствовала бы о том, что пролетариату удалось

^{*}) Так, напр., основной порок «революционного оборончества» февральского периода русской революции заключался не в тех целях, которые оно себе ставило и которые исторически вполне оправдывались, а в тех методах, к которым оно прибегало, и тех социальных силах, на которые опиралось для достижения этих целей, — именно поэтому оказавшихся неосуществимыми.

вырвать мелкобуржуазные классы из-под влияния капиталистической буржуазии и фашизма, направить и анти-капиталистические настроения в русло социалистической политики и таким образом не только подготовит в ходе войны свою победу в борьбе за власть, но и действительно сделать эту власть орудием глубочайшего социального преобразования.

Именно такое, не догматическое и декларативное, практически-политическое понимание «активного пролетарского интернационализма» должно лежать в основе социалистической критики военной политики капиталистических правительств и социалистического содействия военной победе над фашизмом. Именно оно должно уже сейчас, в предвоенную эпоху, давать направление социалистической критике внешней политики капиталистических правительств, их методов подготовки к возможной войне и организации военной обороны, их военного бюджета и т. д. Подходя ко всем вопросам внешней и военной политики с такой точкой зрения, социализм устраняет опасность автоматического скатывания своего на пути «межклассового мира». Если бы даже — что весьма вероятно — в начале войны широкие массы и трудящегося населения оказались охвачены шовинистическим угаром, такая ориентация социализма сохраняет его, как центр сплочения этим масс, к тому моменту, когда начнется неизбежное отрезвление и когда каждый успех социалистической военной политики будет новым этапом на пути завоевания власти и использования этой власти в пролетарском, социалистическом духе.

Тут именно и лежит водораздел между политикой «активного интернационализма» и политикой «революционного пораженчества» в странах анти-гитлеровской коалиции. Активный интернационализм возлагает свои революционные социалистические надежды на активное проведение своей собственной военной политики, противопоставляемой военной политике капиталистической буржуазии. Революционное пораженчество никакой собственной военной политики не имеет: оно «не приемлет» войны и пассивно ожидает момента, когда из ее противоречий, бедствий и страданий самопроизвольно зародится «социальная революция». Вместо того, чтобы самое военную политику превратить в орудие борьбы за власть, ее завоевания и ее использования для радикального преобразования всех общественных отношений, революционное пораженчество рассчитывает заполучить социальную революцию, как, так сказать, побочный продукт войны.

Уже большевистский опыт показал, к чему приводит политика «неприятя войны»: к моменту прихода их власти их апелляция к фронту во имя революционного военного отпора наступавшей на них императорской Германии осталась неуслышанной; разложенный «пораженческой» агитацией фронт рассыпался, как картонный домик; вопреки намерениям большевиков, им пришлось заключить Брест-Литовский мир, и совершенно неизвестно, как сложились бы дальнейшие судьбы русской революции, если бы вступление в войну Соединенных Штатов не обеспечило военного разгрома Вильгельма Гогенцоллерна. В тех условиях, в которых зреет война в нашу эпоху, революционное пораженчество может сыграть еще бесконечно более роковую роль: облегчая победу фашизма и разгром Советского Союза, оно может нанести смертельный удар тем социалистическим надеждам, носителем которых себя провозглашает. В условиях нашей эпохи никаких других путей, кроме пути активного вмешательства в войну, «если она все-же вспыхнет», социалистическому пролетариату не дано...

В РАБ. СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ.

15 и 16 января в Париже состоялось заседание Бюро РСИ. Главным пунктом порядка дня являлась подготовка совместного заседания с Советом Международной Федерации Профсоюзов по вопросу об итало-абиссинской войне. В обширных докладах английских и французских представителей была обрисована обстановка, в которой возник злосчастный проект Лавалья-Хора, снесенный порывом общественного мнения в Англии и Франции. Итальянский делегат сделал сообщение о настроениях в Италии. Наряду с растущей и обостряющейся оппозицией против Муссолини в рядах интеллигенции, в армии и даже в среде самого фашизма, необходимо отметить сильный рост националистических страстей, особенно раздуваемых фашистской пропагандой для усиления режима. Народным массам внушается — и не без успеха — представление, что итальянские неудачи и затяжной характер абиссинской кампании объясняется исключительно происками иностранных держав, в частности санкциями, проводимыми Англией и другими «капиталистическими нациями», которые ни за что не хотят дать «места под солнцем» обделенной «пролетарской» нации Италии. Дальнейшая дифференциация общественного мнения и консолидация анти-фашистского движения явится лишь последствием тех новых затруднений, которые неизбежно связаны с энергичным проведением санкций и затяжным характером абиссинской кампании. — Вызванные указанными докладами прения были суммированы председателем де-Брукером, которому было поручено составить проект резолюции для совместного заседания обоих Интернационалов.

Вслед затем Бюро обсудило вопрос об Олимпиаде и ряде научных конгрессов (в частности, конгрессе городов), которые должны в ближайшем году состояться в Германии. Бюро постановило принять со своей стороны все меры, чтобы воспрепятствовать устройству конгрессов или торжеств, носящих международный характер, на территории германского фашизма, и чтобы уже во всяком случае не допустить участия социалистов в подобном рода предприятиях, прорывающих моральный бойкот гитлеровской Германии. Одновременно Бюро приняло ряд постановлений, касающихся устройства немецких беженцев под эгидой Лиги Наций.

Рассмотрев затем ряд организационных вопросов и вопросов, касающихся отдельных стран, Бюро постановило: приветствовать чешских социалистов за успешное проведение президентской кампании, приведшей к избранию Бенеша и укреплению демократии в Чехословакии; довести до сведения Национальной Экзекутивы американской социалистической партии, просившей РСИ принять меры для оказания ей моральной поддержки на предстоящих президентских выборах, что РСИ, прежде чем предпринять какие-либо шаги, должен выждать выяснения тех прискорбных междуусобных раздоров, которые, к сожалению, начались в американской партии за последние недели; поставить в порядок дня ближайшего заседания Исполкома вопрос о «трансфертном» договоре между палестинскими организациями и гитлеровским правительством и просить палестинскую секцию РСИ представить к заседанию доклад по этому поводу. — Тов. Р. Абрамович, представлявший нашу партию в Бюро, довел до сведения Бюро о новой волне террора против социалистов, которая началась в Советской России, в частности о новом жестоком приговоре над тов. Е. Л. Бройло, представлявшей нашу партию в Международном Социалистическом Женском Комитете. Бюро с возмущением приняло сообщение о новых преследованиях против русских товарищей и постановило предать сведения о преследованиях, в частности сообщение о тов. Бройло, самой широкой огласке в международной социалистической печати.

Ближайшее заседание Исполкома РСИ предполагается созвать в Брюсселе в начале марта с. г.

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ И СОВЕТА МФПС.

16-го января в помещении французской Генеральной Федерации Труда состоялось совместное заседание Бюро РСИ и Совета Международной Федерации Профсоюзов. На этом заседании участвовали: со стороны РСИ — Абрамович, Адлер, Альбарда, Блюм, Брак, Бушери, Ван-Росбрук, Вотерс, Ганзен,

Гильфердинг, Гиллис, Грумбах, Жиромский, Либерман, Модильяни, Соукуп; со стороны МФПС — Жуо, Мертенс, Ситрин, Схевенельс, Тайэрле, Шорш, Штольц, Якобсон. Кроме того, представители Международной Федерации Транспортных рабочих — гг. Фиммен и Яригюн. — Совместное заседание единогласно приняло, с некоторыми изменениями, предложенный де-Брукером проект резолюции о войне в Абиссинии (резолюция эта приводится в начале нашего номера).

Р. А.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ПРОГРАММА «НАРОДНОГО ФРОНТА» ВО ФРАНЦИИ.

Работа многих месяцев в целях консолидации Народного Фронта, поставившего своей задачей объединение всех левых элементов Франции от буржуазных радикалов до коммунистов включительно для защиты демократии от наступающего фашизма — закончилась принятием **общей программы**. В работах комитета по выработке совместной программы приняли участие представители крупнейших организаций французского левого сектора (радикал-социалисты, социалисты, коммунисты, люписты, социалистически-республиканский союз, обе центральные профессиональные организации французского пролетариата — СЖТ и СЖТЮ, Лига прав человека, Антифашистский комитет, Комитет борьбы против войны и фашизма, «Комбатанты действия» и т. д.).

Центральной идеей вводной части программы, ее стержнем, является идея **защиты демократии**. Эта защита демократии не мыслится программой вне борьбы не только за свободу, но за мир и хлеб. Не ставя себе задач коренного переустройства общества, программа тем не менее оговаривает, что выставленные ею требования для борьбы за демократию являются лишь ближайшими требованиями, и что по мере их осуществления эти меры должны быть дополнены «более глубокими мероприятиями», чтобы «окончательно вырвать государство из рук магнатов индустрии и финансов».

В **политической** части программа предусматривает в первую очередь **защиту свободы** на путях всеобщей политической амнистии, роспуска всех фашистских лиг, оздоровления общественной жизни от элементов коррупции и **защиту мира в рамках Лиги Наций**. Для успешности этой политики мира необходимо автоматическое применение к агрессору «санкций». Успешная политика мира должна развиваться на путях борьбы за разоружение, за превращение сегодняшнего «вооруженного мира» в «мир разоруженный», что осуществимо лишь при **национализации военной промышленности и запрещении частной торговли оружием**.

Экономическая часть программы требует создания национального фонда для борьбы с безработицей, широкой организации общественных работ, общего сокращения рабочего времени без снижения уровня недельной заработной платы, введения достаточных пенсий для стариков (в целях замены их на работе молодежью), широкой системы мероприятий по борьбе с аграрным кризисом (в основном повторяющей выработанную недавно социалистической партией аграрную программу; см. «С. В.», 1935 г. № 19), организации контроля над банками, упразднения автономии Французского Банка и подчинения его правительству, национализации военной промышленности, финансового оздоровления всей системы управления и т. д.

Появление такой программы не могло не встретить самого широкого общественного отклика. Но в то время, как правая печать почти единодушно выражает свою тревогу по поводу достигнутого между левыми партиями соглашения, в левой части общественности отнюдь не чувствуется единодушия. И это понятно. Каждая из участвовавших в соглашении группировка должна была во имя общей цели отказаться от четкости в формулировках. Характеризуя значительные принятые программы, как «успех», достигнутый в результате большой и трудной работы, центральный орган французских социалистов «Попюляр» подчеркивает, что подпись партии под этим документом отнюдь «не означает отказа от программы партии». Значение программы Н. Ф. «Попюляр» видит в том, что программа содействует процессу размеже-

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ!

вания общественного мнения. Во время будущих выборов голоса, поданные за кандидата-социалиста в первом туре, если он не соберет относительного большинства среди левых кандидатов, будут отданы при перебаллотировке лишь кандидатам тех партий, которые участвовали в выработке общей программы. И ту же программу «Попюлэр» считает верной «программой правительства Народного Фронта».

Более откровенен в своем скептицизме центральный орган французских профсоюзов «Пепль». В серии передовиц, посвященных программе, «Пепль» не скрывает от читателей, что свою подпись под программой профсоюзы дали не с легким сердцем и то лишь, чтобы своим отказом не сорвать всей акции Народного Фронта. Подчеркивая замечание программы, что предъявляемые требования будут «дополнены» более решительными, «Пепль» констатирует недостаточность этого намека и невыясненность вопроса, каким образом Народный Фронт будет «углублять» мероприятия, оставаясь на почве и в рамках существующего капиталистического строя. Но вне таких решительных мероприятий невозможно разрешение проблемы действительной борьбы с кризисом. И, если правительству Н. Ф. не удастся побороть кризис, оно потеряет поддержку трудовых масс и окажется, конечно, бессильным справиться и с неизбежной атакой реакционных сил.

По иронии судьбы французская компартия, на словах и сейчас борющаяся за торжество «Советской Франции», подчеркивает свое глубокое удовлетворение достигнутым соглашением. Центральный орган компартии «Юманите», откликаясь на программу и попутно стараясь всячески подчеркнуть свои исключительные заслуги в деле ее выработки, почти бравирует тем, что авторы выработанной программы, даже если бы она была осуществлена, вовсе не ожидают от нее «никаких чудес», ибо это программа «ограниченная, осуществимая в рамках капиталистического строя»; «ее применение привело бы однако к смягчению народной нищеты, содействовало бы в известной степени оживлению экономической жизни нации» и тем самым вызвало бы «благотворительное и непреодолимое стремление к единству трудовой Франции против двухсот семейств» («двести семейств» это новейший — применительно к психологии мелкого буржуа — псевдоним магнатов финансового капитала).

Более сдержанное отношение социалистической (и тем более профсоюзной) печати к программе Народного Фронта объясняется прежде всего тем скептицизмом, которым проникнуто все отношение социалистической партии к ее буржуазному («радикальному») партнеру по Н. Ф. Радикалы издавна привыкли принимать перед выборами очень привлекательные для трудящихся масс программы и очень мало считаться с этими программами после выборов. В последнее время все усиливаются признаки, что в буржуазной части Н. Ф. тайне рассматривают Н. Ф. лишь как орудие избирательной борьбы и обеспечения победы радикалов, что радикалы очень мало склонны брать всерьез полу-социалистические обещания программы и в крайнем случае попытаются создать на почве этой программы левое правительство, по существу не выходящее ни на шаг из традиционных буржуазно-демократических рамок. Такая перспектива очень мало улыбается социалистической партии, которая отдает себе отчет в том, что это сужение на практике программы Н. Ф. будет означать ее крушение, и с полным основанием опасается, что если развитие пойдет таким путем, оно задержит только еще развертывающийся процесс политической консолидации и активизации французского рабочего класса.

Но перспектива использования Н. Ф. радикалами для их собственной победы представляется, напротив, привлекательной коммунистам, так как решительная победа радикалов должна обеспечить советофильский курс французской внешней политики, а этому французская компартия готова подчинить сейчас всю свою деятельность. Опасность этой политики компартии заключается в том, что она может превратить рабочий класс в пленника радикалов и ослабить роль пролетариата как самостоятельного политического фактора. А тогда рабочий класс по всей линии будет отброшен далеко назад. И в частности в этих условиях для рабочего класса будет чрезвычайно затруднено осуществление и той задачи защиты Советского Союза, относительно которой в принципе нет разногласий между социалистической и коммунистической партиями, но осуществление которой отнюдь не сводится для социалистической партии к поддержке советофильского лево-буржуазного парламентского правительства.

Поведение радикалов за последние недели как нельзя более очевидно оправдывает скептицизм по отношению к практическому значению принятой Н. Ф. программы. Отказавшись установить дисциплину голосования для членов своей парламентской группы, они позволили 44 членам этой группы спасти Лавала своим голосованием, вопреки воле большинства. А сейчас же вслед за этим отставкой Эррио и угрозой отставки всех других министров-радикалов, как и решениями Ис-

полнительного Комитета партии (на сей раз потребовавшего дисциплины голосования для парламентской группы) вызвали правительственный кризис, еще не закончившийся в ту минуту, когда пишется эти строки. Трудно объяснить это противоречивое положение иначе, чем тем, что основную роль в политике радикалов-социалистов играют предвыборные маневры.

В. Ал.

СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЗАП.-ЕВРОП. РАБОЧИЕ.

Головокружительные рекорды — действительные и мнимые — стахановцев нашли своеобразный отголосок в среде западно-европейского пролетариата. Европейские рабочие радуются всякому действительному успеху Советского Союза, но сообщения о стахановских успехах вызывают в рабочей среде Запада не столько чувство радости, сколько какую-то настороженность, часто чувство тревоги. Как возможны такие рекорды вне условий максимального усиления интенсивности труда, непосильного для громадного большинства рабочих? Не приводит ли стахановское движение к отбору и возвышению лишь незначительного меньшинства за счет ухудшения положения для громадного большинства рабочих? Не явятся ли стахановские рекорды, далеко опережающие будто бы все европейские и американские нормы, новым аргументом для европейских капиталистов в их стремлении выжать максимум из рабочих? Такого рода вопросы невольно встают пред каждым сознательным рабочим, и понятно это настроение настороженности, которое стахановское движение вызвало в рабочей среде Запада, особенно в кругах рабочих, испытанных в экономической борьбе.

Настроение это, как об этом свидетельствует нервность «Юманите», захватывает и те слои пролетариата, которые находятся под сильным коммунистическим влиянием, и явно вызывает оживленные споры в самой гуще рабочей массы. Рабочая пресса всех направлений — особенно с начала декабря, после всесоюзного совещания стахановцев — запестрела статьями и заметками о стахановском движении, часто критическими, причем резкость критики нередко даже нарастает в наиболее «левых» органах — левых синдикалистов, левых социалистов, не входящих в РСИ, разных групп коммунистической оппозиции. Официальная коммунистическая печать явно перешла к обороне, но и она — мы это увидим ниже — оказывается уже иногда вынужденной гораздо более реалистически, чем еще совсем недавно, освещать развитие стахановского движения.

Все это с особенной отчетливостью сказывается во Франции, где сближение между социалистической и коммунистической партиями и восстановление профсоюзного единства по новому поставили проблему Советского Союза пред всем рабочим классом и психологически расчистили путь — как это на первый взгляд ни покажется, может быть, парадоксальным — к свободному от предвзятости обсуждению этой проблемы.

Профсоюзный «Пепль», орган французской Всеобщей Конфедерации Труда, в двух больших фельетонах подробно познакомил своих читателей с развитием стахановского движения, показал его громадные успехи, но в то же время подчеркнул опасность, которую таит в себе стахановское движение для рабочих: стахановский метод «приближается к тайлоризму, но без методического анализа ритма работы»; это скорее примитивная форма «эмпирической рационализации». Если искать для него (т. е. стахановского метода) более точного сравнения, надо вернуться к практике, хорошо известной нашим товарищам в строительном деле. Стахановцы сильно напоминают тех «погонял» (по французски это звучит несколько менее резко: «энтренэр»), которых хозяин ставил на стройку.

Так ощущает стахановские рекорды громадное большинство рабочих на Западе. На этот раз и «Попюлэр» проявляющий обычно большую сдержанность в критике Советского Союза, откликнулся рядом статей, в которых в осторожной форме, но очень решительно по существу показал опасность стахановского метода. Автор статей, сам бывший гор-

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“ за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия

предоставляется скидка в 25 процентов

В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене

100 фр. за том

рабочий и старый профсоюзник, в течение многих лет игравший видную роль во Всеобщей Конфедерации Труда (на левом фланге ее), **Жорж Дюмулен**, не скрывает от читателей что он очень неохотно берется на этот раз за перо. Но молчать невозможно. На сообщениях о стахановских рекордах, о вырубке в смену отбойным молотком 200, 300, 500 тонн явно лежит «печать экстравагантности». «Они болезненно воспринимаются горняками вне России». «Когда французский принимается горняками в России». «Когда французский горняк, в состоянии крайней усталости после того как он нарубил за смену 20-30 тонн, заявит своему инженеру, что он не может дать большей добычи, он услышит в ответ ссылку на стахановские нормы».

«Юманитэ» после ряда статей, исполненных примитивного, официального оптимизма, вынуждена была сделать попытку показать стахановскую работу, как она есть. Центральный орган французской компартии поместил в начале января в ряде номеров пространную беседу между корреспондентом газеты и неназванным в газете по имени интерпеллянт-ом: «Вопросы и ответы о стахановском движении в текстильной промышленности». Ответы даются корреспондентом газеты, лично побывавшим на фабрике «Октябрьская Революция» в Раменском под Москвой. Интерпеллянт — повидимому, кто-то из руководящих коммунистических профсоюзных работников из союза текстильщиков (иначе бы этих вопросов, вероятно, просто не напечатали) — проявляет переломную большую независимость суждения. В ответах много пустяков и казенной мишуры (напр., будто на Западе почти не употребляют автоматических станков Нортропа, так как фабриканты предпочитают использовать дешевый труд на немеханических станках, и т. п.), но в основном картина изображена верно: корреспондент рассказывает о ткачихе Илларионовой, которая работает на 210 автоматических станках (о ней, кстати, говорил в своем докладе на последнем пленуме ЦК ВКП и Наркомлегпрома Любимов), но работает не одна, а во главе бригады в 10 человек. Спрашивающего это сообщение поразило:

«Вопрос: Значит имеется 9 вспомогательных рабочих при обслуживании 210 станков? Но тогда вопрос представляется совсем в другом свете. Что же делает сама ткачиха? И почему только ее имя упоминается, почему говорят об обслуживании 210 станков одной ткачихой?

Ответ: Да это так. Ткачиха одна несет ответственность за работу станков, она начальник бригады.

Корреспондент «Юманитэ» явно уклонился от прямого ответа на щекотливый вопрос. Аргумент об «ответственности» очевидно бьет мимо цели. Вель так, пожалуй, можно дойти до того, чтобы приписать всю продукцию фабрики ответственным за руководство ее директору.

Интересно описание работы Илларионовой, которое дает корреспондент: успех ее работы основан на том, что она, обходя свой громадный парк станков, строго следует маршруту, не бросаясь от станка к станку для связывания рвущихся нитей:

«Если, скажем, на станке 181 рвется нить, когда Илларионова находится у станка 65, она спокойно и неспеша продолжает свой маршрут, пока не дойдет до станка 181. Она, таким образом, не уклоняется от своего пути, не заботясь о том, что один из станков остановился из-за разрыва нити. 181 станок ждал, пока до него дошла очередь».

В такой организации работы находит, кстати сказать, свое объяснение тот тревожный факт, на который на пленуме ЦК указал Андреев: работающие на большом количестве автоматических станков ткачихи-стахановки сплошь и рядом не выполняют норм выработки на станок. Уродливость такого рода «рационализации» не могла, конечно, ускользнуть от внимания осведомленного интерпеллянта. На поразительное сообщение корреспондента «Юманитэ» последовал новый нелепый вопрос:

«Но тогда отнюдь не все в порядке в этом деле. Станок, остающийся без движения, означает, что машины не используются полностью. Неужели такова идеальная организация труда по методу Стаханова? И может ли такой порядок привести к значительному повышению производительности?»

Уже один факт, что такая статья могла появиться на страницах «Юманитэ», является симптоматичным. Два-три месяца назад это было бы просто немисливо. Сейчас надо дать выход настроениям, все шире захватывающим и коммунистических рабочих. Правда, статья эта стоит в «Юманитэ» особняком. Еще совсем почти на днях газета эта начала печатать

На складе Социал. „Вестника“

имеются следующие издания :

ЦЕНА ВО ФРАНКАХ
для подписчиков „Соц. Вестн.“

Вместо: 40% скид.

Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
A. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

ние серии статей о стахановском движении Поля Низана, типичного представителя того слоя нелюбимых способностей, но наглых, бойких и беспринципных журналистов, который пыльным цветом расцветает в «большой» желтой прессе, но передко отлично акклиматизируется и в коммунистической печати. Низан начинает с «разоблачения заговора» «Пепля», «Попюлэра» и «г. Дюмулена» с крайней капиталистической реакцией, заговора, конечно, против Советского Союза. Такого рода полемика не заслуживает внимания по существу, но она создает угрозу — и «Попюлэр» на следующий день решительно и твердо указал на это — делу укрепления того «единства действий», которое играет такую значительную роль во всей политике обеих рабочих партий в последние полтора года. В свою очередь и «Юманитэ» угромо намекает, что критика стахановского движения в социалистической печати непримирима с политикой единства. Ответственные руководители обеих партий не допустят, конечно, до разрыва договора о единстве действий — из-за отношения к стахановскому движению. И компартия придется примириться с тем, что социалистическая печать сохранит для себя свободу критики. Но эти взаимные попреки характерны, как наглядное свидетельство невозможности осуществления последовательной политики пролетарского единства вне связи с проблемами внутреннего развития Советского Союза. Пролетарское единство обязывает, обязывает в частности гораздо больше считаться с жизненными интересами рабочих масс, чем к этому привыкли на верхах Советского Союза.

С. Ш.

ИЗ ПАРТИИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Тезисы З. Д. о войне и социализме формально солидаризуются с «основными линиями» международно-пролетарской политики», намеренными в известных тезисах Бауэра-Дана-Жиромского-Дюнуа «Интернационал и война». В своей дискуссионной статье («С. В.» за 1935 г., № 17) я подверг критическому разбору основные положения и тактические выводы тезисов Бауэра-Дана с точки зрения международно-пролетарской мирной политики. Свои взгляды по этому вопросу в положительной форме я развил в тезисах, внесенных мною в «Совещание при З. Д.».

Но, в сущности, и принятые З. Д. тезисы, являющиеся попыткой подведения общей теоретической основы под практическую линию поведения, намеченную в тезисах Бауэра-Дана, должны были бы быть подвергнуты самостоятельному критическому разбору. Эти историко-философские обобщения и социологические схемы представляются мне, как и т. т. Абрамовичу, Аронсону, Кефали и Николаевскому, чрезвычайно спорными или прямо ошибочными. Что касается практических выводов в тезисах З. Д., то я, в полном расхождении с ними, продолжаю считать, что центр тяжести политики РСИ должен заключаться в борьбе за **предотвращение войны**, в частности путем ревизии Версальского договора. Я попрежнему не могу видеть в войне, несущей с собой разрушение и одичание, пролога социальной революции и отказываюсь связывать с этой войной на истребление социально-революционные надежды и расчеты. Я попрежнему считаю, в случае возникновения войны, центральной задачей, которой должны быть подчинены и задачи необходимой обороны в странах анти-германской коалиции, борьбу за **скорейшее прекращение войны**. Я отвергаю всякое **затягивание войны**, в целях ли победы социализма в Европе, как хочет большинство З. Д., или в целях победы демократии над фашизмом, как того хотят представители меньшинства, т. т. Аронсон, Кефали, Николаевский.

Отвергая тактику затягивания войны до победного конца, под предлогом ее превращения в «якобинскую» — безразлично, социалистическую или демократическую, — я, естественно, расхожусь в военном вопросе не только с большинством З. Д., но и с т. т. Аронсоном и Кефали, вместе с тов. Николаевским напечатанными в «С. В.» № 1 свое коллективное заявление по мотивам голосования. В частности, я не могу следовать за указанными тремя товарищами в их тактических выводах, поскольку они, при всех оговорках, явно склоняются к тактике бургфридена на время войны, тактике, вытекающей из их установки на подчинение всей политики социалистических партий анти-германской коалиции задаче «всемерного поражения армий фашизма». Не этой ли установкой объясняется и недоговоренность заявления трех товарищей в русском вопросе? Справедливо считая нужным отмежеваться от тех ошибочных и вредных представлений о Советской России, которые заключаются в тезисах Бауэра-Дана, и которые даже тезисы З. Д. считают «недостаточно отчетливыми», т. т. Аронсон, Кефали и Николаевский ограничились, однако, в своем собственном заявлении указанием на то, что, при всем их отрицательном отношении к внутренней

политике большевистского правительства, они считают, что важнейшей задачей русских социалистов во время войны должно быть всемерное содействие поражению армий фашизма. Необходимо было указать на необходимость продолжения борьбы за те политические и экономические перемены, которые только и могут обеспечить поднятие оборонной способности Советского Союза и явиться гарантией против бонапартистского финала войны.

П. Гарви.

От редакции. — Тов. Гарви, как он сам напоминает, имел случай высказать свои взгляды по вопросу «война и социализм» в ходе дискуссии, предшествовавшей принятию тезисов З. Д. Тем не менее редакция считает нужным дать место его письму, как дающему объяснение его расхождению с представителями того партийного крыла, которое он возглавлял в течение ряда лет.

От редакции. — По причинам организационного характера очередная почта из России запоздала и к моменту верстки номера еще не получена.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень Экономического Кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Ноябрь-декабрь 1935 г. № 125.

Свобода, № 4, дек. 1035. Изд. парижской организации партии с.-р.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев), № 47, январь 1936 г.

Проуждение. Ноябрь-декабрь 1935. № 64/65.

Der Kampf, N° 1 Jänner 1936.

Prométhée, N° N° 108 et 109.

H.-G. Vergnolle. Supprimons le chômage... L'équipement national par la monnaie auxiliaire amortissable. Paris.

Librairie des sciences politiques et sociales. 12 frs.

Que faire? Revue communiste. N° 13, janvier 1936.

Le Combat marxiste, N° 27, janvier 1936.

L. Laurat. La Crise Mondiale. Seconde édition. Publications de l'Institut Supérieur Ouvrier. 10 frs.

La Révolution prolétarienne, N° 214.

Cahiers du bolchévisme, N° 1-2.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 6/1, 19/1, 20/1.

Отослано: № 1, № 2.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

писки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. 1 (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial и б) S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical, 6) Paul Faure — «Si tu veux la paix», 7) Léon Blum — Souvenir sur l'Affaire (дело Дрейфуса), 8) B. Souvarine — Staline, 9) Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно